

Белая комната

У каждого
своя психушка,
а у каждой психушки
своя белая комната

Елена Мигулина

Белая комната

<https://litres.ru/73851159>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Белая комната» — это фантастический триллер с неожиданным концом.

Главный герой живёт привычной жизнью, но каждую ночь просыпается в белой комнате, где о нём знают больше, чем он сам.

В этом странном месте Никита узнаёт: если хочешь убрать боль потери любви, то жми на кнопку «Забыть».

Молодой человек не согласен и пытается вырваться из белой комнаты, которая настойчиво сопротивляется.

Но Выход есть.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

30

Елена Мигулина

Белая комната

Глава 1. Там за стеной танцевали тени ¹

Конец лета. На границе августа и сентября. Когда дни ещё тёплые, но в вечернем воздухе уже чувствовалось прохладное дыхание осени. В это время свет становился мягче: солнце не жгло, а будто гладило золотым лучом траву и крыши домов. Ночами туман стелился низко, в него погружалось всё вокруг. Так предметы казались ближе, теряли привычные формы, словно природа хотела укрыть всех и вся от наступающих холодов.

Такое время было между влюблёнными: отзыв в сердце ещё есть, но перемены уже неотвратимы.

Вот и сегодня солнце за стенами домов будто катилось вниз по небу. Никита не видел его, но знал: когда оно упадёт, вместе с ним обрушится ночь. И в этой ночи, он уверен, места для него уже не останется.

Он — высокий молодой человек с каштановыми волосами. Серый вязаный блейзер, который был заправлен в чёрные джинсы, хоть и объёмный, но подчёркивал нездоровую худобу.

— Я уйду, чтоб не мешать тебе жить! — сказал Никита зло. И, не отдавая себе отчёт в словах, быстрым шагом бро-

¹ Юрий Николаенко (НИО) «Некуда бежать»

сился к выходу. Затем спустился вниз по лестнице со знакомым ощущением, что за ним кто-то наблюдает.

Прохладный вечерний воздух ударил в лицо, когда он выскочил на улицу. Закат уже практически забрал с собой свет дня. Молодой человек с тоской посмотрел на окно второго этажа.

Замерев у двери подъезда, он отчетливо услышал: «Тук-тук... Тук-тук». Сердце билось слишком громко, как будто отбивало ритм. Чётко. Отрывисто. Быстро. Казалось, болезненная пульсация отсчитывала последние секунды.

И вдруг в квартире прозвучал выстрел. Короткий, оглушительный, смертельный.

Мир оборвался.

Резкий глубокий вдох — и Никита очнулся. Ослепляющий свет врезался в глаза так, что он зажмурился. Молодой человек не сразу понял: «Ссора, закат, выстрел... это сон? Или реальность? Тогда куда всё исчезло?». Одно знал точно: он любил, любит и только что всё потерял.

Никита сидел в кресле, вокруг была странная комната. Сам он в белых широких штанах. От измождённого тела тянулись провода. На маленьком мониторе, у правой руки, мерцали линии пульса. Это сердце толкало жизнь вперёд нервно и мучительно.

Когда зрение вернулось окончательно, он какое-то время разглядывал себя, будто не узнавал. Затем стал осматривать

абсолютно белую комнату: ни дверей, ни окон, свет лился отовсюду ровный и холодный, казалось, исходящий от самих стен. На левой стороне висел огромный экран, а в углу стояло прямо на полу зеркало во весь рост. Ощущение, что за ним следят, стало более отчётливым.

Никита встал с кресла и подошёл к зеркалу. В отражении — человек, которого он не сразу узнал: старше, чем есть на самом деле. Плечи стали уже, чем он помнил. Слишком бледный, с заострившимися скулами и тёмными кругами под глазами. Волосы взъерошены, как после долгой бессонной ночи. Губы сжаты. Взгляд уставший, опустошённый, но свидетель того, что он всё ещё жив. Выглядел молодой человек так, как чувствовал себя внутри: на грани между человеком и собственной тенью. Он провёл рукой по шевелюре, словно расчёской.

Только отошёл от зеркала, как неожиданно на середине стены ожил экран. Он не сразу понял, что это не фильм, а запись прошедшего дня, после которого он попал в это странное помещение.

Сначала вспыхивает воспоминание: утро того же дня.

Кухню уже ласкают солнечные лучи, заглядывая в разные её уголки. Окно открыто настежь и тянет прохладой. Запах свежесваренного кофе смешивается с лёгким ароматом духов, присущим молодым девушкам.

Никита берёт бутерброд и отпивает ароматный напиток.

Лейла сидит в его рубашке, чуть склонив голову. Она поджала ноги, а ладони греет о бокал. Солнечный свет из окна окутывает её хрупкую фигуру невесомым одеялом тепла. Волосы густые, тёмно-русые, с мягким блеском, будто в них прячется летнее солнце. Отдельные пряди иногда падают на щёку, и она машинально убирает их за ухо. Глаза красивые, цвета тёмного янтаря. Внимательный взгляд всегда пугающий, так как почти проникает в глубины души. Такая пронзительность словно превращает его в открытую книгу: казалось, теперь он не сможет ничего скрыть.

Улыбка девушки, едва заметная, но в ней столько тепла, что она способна растопить даже самый холодный день. Её мягкий голос успокаивает. Такое бывает только в утренние часы, когда дневная суета еще не загружает своими проблемами или ненужными мелочами.

Каждое утро они говорят о своей жизни, об обычных вещах. Тему будущего стараются не трогать, чтобы не потерять ощущение утреннего благоденствия. А может бояться говорить о нём, чтобы не спугнуть счастье. Для этого они оставят день, а лучше вечер: все серьёзные вопросы на потом. Они тогда прислушиваются друг к другу, будто впитывают каждое слово, но в тоже время слышат только себя.

Лейла отпивает и ставит кружку на стол:

— Знаешь, иногда я думаю... если бы всё остановить на этом мгновении, то было бы идеально.

Он, как обычно, улыбается:

— Ты опять о вечности? — делает глоток и морщится, не то от горячего, не то от крепости заваренного кофе. — Лучше давай договоримся: пока есть этот запах кофе и твой смех, я уже в раю.

Она смеётся. Чуть склоняется к нему через весь стол, вытягивает губы в трубочку, дожидается ответа губ с той стороны:

— Ты умеешь говорить красивые слова, когда хочешь.

Он, шутливо:

— Это мой единственный конёк?

Она более серьёзно:

— Я не знаю этого. Ты закрываешься. Будто рядом со мной боишься себя потерять.

Он отводит взгляд в кружку, как будто там можно найти ответ, и говорит дежурное: «Всё будет хорошо».

Она скептически усмехается.

И лишь теперь, глядя на этот кадр, Никита осознал, что именно в этом утреннем ответе, в её разочарованной улыбке и в его пустом обещании «всё будет хорошо», уже было предчувствие вечерней беды.

Картинка дрогнула, и утро сменилось вечером. Кофейные чашки исчезли, слова растворились. Кухня та же, но в воздухе уже висит напряжение, словно невидимый кто-то отключил тумблер тепла и любви.

Они стоят напротив друг друга. У него сдержанность в

каждом движении, тяжёлый взгляд и резкие слова, те, что так и не успевают забрать обратно. У неё глаза полны слёз и отчаяния, в них больше боли, чем в крике во время ссоры.

— «Постараюсь»... Ты всегда так говоришь! Сколько можно стараться только на словах? — Лейла смахивает предательскую слезу, которая не удерживается и прочерчивает влажную полосу во всю щёку.

Он, срываясь:

— А что ты хочешь? Я не волшебник, я обычный человек.

— Я хочу, чтобы ты не только рядом был, но и строил со мной будущее, — она сдерживает рыдания, которые вот-вот прорвутся.

Он, возмущённо:

— Тебе всегда мало!

Она, склонив голову направо, говорит еле слышно:

— Ты как будто тут, но в то же время далеко. Вот что страшно. Так нам не выстроить отношений.

Никита, через паузу, будто подбирая слова, бросает последнюю фразу о том, что уходит, и пусть будущее она строит с другим.

Потом хлопок двери.

На экране в следующем кадре он врывается в ночь и слышит выстрел. Мгновенно он чувствует, что потерял самое дорогое, что у него было.

Сердце сжалось: «Значит, это было... и закончилось? А потом?». А потом непонятная белая комната, которую он

растерянно оглядел ещё раз, встретила холодной пустотой.

Как он сюда попал? Ответа не было. В душе он понимал, что сила духа, умение держать всё под контролем, всегда держать лицо — всё это и привело его сюда.

Внезапно тишину нарушил голос. Никого не было, но он звучал бесстрастно, как будто чеканил робот:

— Ты не прошёл проверку, ты опять ничему не научился.

От неожиданности Никита вздрогнул. Голос очень знакомый, похож на его собственный.

Да, он совершает ошибки, потому что он человек, который несовершенен. В памяти всплыли слова Олега Роя: «Среди живых идеальных людей не бывает»². Человек — это не идеал, это память, это боль потери, это любовь. Ему показалось, что голос говорил не про исправление, а про неправильный жизненный путь.

— Перед тобой две возможности, — продолжал голос. — Первая. Перепройти всё в другом дне. Может быть, тогда ты достигнешь того идеала, которого требует любимая. И вторая. Забыть всё: остаться в новой реальности таким, какой ты есть, без воспоминаний о последних отношениях. Тогда ты сможешь жить без того, ради кого хотел начать всё заново. Мы не гарантируем, что в новой судьбе ты встретишься с Лейлой. Что вы будете рядом.

Никита подумал: «Забыть — значит предать то, что было.

² Не дословная цитата

Она притягательна для меня: несмотря на мягкость и нежность, в ней есть внутренний стержень. Она не пытается казаться кем-то. Я хоть и молод, но уже за спиной есть жизненный опыт. Я помню все свои ошибки, каждое взвешенное решение. Именно это подсказывает мне, что надо продолжать бороться за своё счастье».

После недолгого размышления он почувствовал ясность своего выбора: «Я не могу оставить всё, будто ничего не случилось. Там, откуда я только что вернулся, осталось что-то. Вернее — кто-то. Часть моей жизни. Часть меня самого. И если откажусь от этого, я перестану быть собой».

Никита сел в кресло. Перед ним две кнопки. Два пути. Смотрел он на них невидящим взглядом, так как перед глазами всплыли красивые печальные глаза Лейлы, а в голове звучал ласковый голос. Он закрыл лицо руками: «Перепройти? А если я снова её потеряю...». Мысли были мучительны, и от них становилось тяжелее, чем от самого страха уйти в забвение.

«Так. Нужно взять себя в руки и, пока не нажал на кнопку, продумать план действий. Надеюсь, там меня память не подведёт», — подумал Никита в твёрдой решимости. Выпрямил спину вдоль спинки кресла, закрыл глаза и начал мысленно действовать.

«Получил второй шанс, а может и последнюю возможность, значит надо изменить исход события того рокового вечера. Для этого надо найти причину, что пошло не так:

возможно, я сам виноват в трагедии. Затем — не повторить ошибку, которая разрушила всё в первый раз. Если сделаю всё „правильно“, то не случится непоправимое».

Никита в полной уверенности открыл глаза. Его сердце было готово выскочить из груди. Он протянул руку к кнопке «Перепройти». На миг остановился... Но потом решительно, почти с отчаянием нажал на неё.

Провода, словно по команде, змеями поползли к человеку. Как будто они знали, где их «гнёзда» в теле. В тот же миг монитор пискнул, линии на экране начали свой путь. Под ногами задрожало. Пол начал раскалываться на невидимые, а затем на широкие зияющие трещины. Молодой человек закрыл глаза, чтобы не видеть ужасную картину: сквозь белый свет через ломаные линии начал проглядывать мрак, пока пол не исчез окончательно.

Зажмурившись, он сосредоточился на том, чтобы запомнить то, что должен выполнить. Как неожиданно в голове вспомнилась строчка песни: «Но я знаю то, что не любить — значит и не жить, не дышать»³.

Всё вокруг наполнилось светом: уже утро, солнце режет глаза, кажется, что сама жизнь рождается заново.

Выбор сделан.

Глава 2. 1 Кто мы с тобой? Кто мы такие? ⁴

Белая комната исчезла. Вместе с ней исчезли воспомина-

³ Юрий Николаенко (НИО) «Некуда бежать»

⁴ Юрий Николаенко (НИО) «Некуда бежать»

ния, планы на будущее, мучения выбора.

Как заезженная пластинка, перед ним опять было утро, много солнца и запаха кофе. На кухне Лейла. Она растрёпана, след от подушки виднелся на щеке. В руках любимый напиток, с которого всегда начинался её день.

Он замер, боясь спугнуть этот момент.

— Ты чего такой? — спросила она, чуть улыбнувшись.

— Просто... рад тебя видеть.

— Мы не виделись пока спали, — уже смеясь, сказала Лейла.

Никита подумал: «Вроде по мелочи, всё как всегда: ароматы, длинные тени от предметов на кухне, изгиб фигуры девушки, свежие полевые цветы в вазе. Она так любит цветы, которые выросли на свободе». Так странно, вроде каждое утро одно и то же, но сегодня, где-то на подсознании, утро было другим. Вслух же ответил:

— Любимая, у меня был такой сон, что ночь показалась мне вечностью.

«Любимая? Что ему приснилось? — озадачилась Лейла. Хотела спросить, но промолчала. — Зачем с утра приставать с расспросами? Хотел бы сам рассказал». Она пожала плечами сама себе и сжала губы.

Остальное время завтрака они провели молча, уйдя каждый в свои мысли.

Лейла занялась поисками ответа на вопрос: «Кто мы? Друг другу, миру, коллегам, родителям». Тема оказалась

слишком сложной для начала дня.

У Никиты дела обстояли не лучше: «Если я буду самим собой, она уйдёт, мы слишком разные. Она чувственная, но для меня это непозволительная роскошь, я за логику и контроль своих поступков. Она хочет всё делать вместе, но я разве размазня? Не могу проблемы решать сам? Получается парадокс: быть собой — потеряю её, а если буду подыгрывать — потеряю себя. Где выход?».

Контора, в которой работал молодой человек, встретила его приветственным гулом:

— Доброе утро!

— Привет!

— Здравствуйте!

Выражение лица Никиты преобразилось. Тягостные думы, тяжёлая ночь, постоянный страх потери — всё это он убрал глубоко под кожу. Для всех он лёгкий в общении, с чувством юмора, всегда был рад видеть коллег, поддерживал любой разговор. За годы работы в коллективе это стало привычным. В его полуулыбке никто не замечал, что он не хотел ни общения, ни шуток. Особенно плоских и несмешных. С начальством говорил уверенно: его слушали, его мнению доверяли. Он умело прятал от всех свою озабоченность тем, что никак не разберётся со своим личным счастьем.

В холле Никита встретил своих соседей по кабинету и решил первым сказать что-то весёлое. Они дружно засмеялись.

Один пропустил его вперёд, а второй одобрительно похлопал по плечу.

Он тоже рассмеялся. Смех получился звонкий, открытый, почти заразительный. И никто бы не догадался, что в ту же секунду в глубине его мыслей проскользнуло злобно и насмешливо: «Какой же это фарс!».

Ближе к обеду комната гудела от разговоров и телефонного трезвона. Молодой человек сидел за длинным столом с коллегами и держал в руках чашку кофе. Вовремя вставленное слово вызывало общий смех. Он наклонился ближе к плечу соседа, засмеялся вместе со всеми, почувствовал, как плечо напарника дружески толкнуло его.

Никита выглядел расслабленным. Казалось, что ему всё одинаково легко даётся: и разговоры, и шутки, и работа. Слишком много усилий уходило на то, чтобы не показывать своих проблем в жизни.

«Нельзя быть серьёзным, — думал он, прикрываясь улыбкой. — Если покажешь, что что-то не так, то замучают расспросами и советами. Здесь это любят, а мне этого совсем не нужно».

В обед на кухне конторы суета: запах дешёвого кофе перемешался с запахом жареной картошки и котлет; звук чайника на фоне смеха и болтовни. Никита в центре этой суеты с привычно лёгкой улыбкой.

— Ну что, ребят, какие планы на выходные? — бросил он. Коллеги начали предполагать мероприятия, как будто

для этого им дали разрешение и отмашку. На его лице выражение то ироничное, то серьёзное, то возмущённое: так он «одобрял» желание людей отдохнуть по полной программе.

Он шутил, рассказывал истории, вовремя кивал. Все вокруг считали его «душой компании». С ним приятно было работать, он умел поддержать разговор, умел сгладить углы.

Каждый раз, когда Никита садился за свой стол, открывал ноутбук и надевал наушники, чувствовал, как спадает напряжение. В эти короткие минуты тишины, когда никто не смотрел и не ждал от него живой реакции, он позволял себе просто быть. Плечи расправлялись, как будто с них падала невидимая ноша. Лицо теряло натянутую живость. Глаза, глубоко посаженные, становились теплее. А густые брови, казалось, прятали печальный взгляд. Дыхание становилось иным — более ровным.

Правда, такие минуты быстро прерывались. Достаточно кому-то подойти, задать вопрос, и снова включалась привычная игра. Он отвечал бодро, как ни в чём ни бывало.

В какой-то момент молодой человек поймал себя на мысли, что иногда сам не понимает, где он настоящий. Вот Лейла — она настоящая. Сразу вспомнилось утро: чашка кофе в руках, её ласковые глаза напротив, а в них ожидание чего-то радостного. Там, дома, он тоже молчал. Не потому, что не хотел говорить, а потому, что не находил в себе силы обсуждать то, что его тревожило. Он же сильный и сам должен был решать проблемы. Здесь, на работе, наоборот — говорил и

смеялся не потому, что хотел, а потому, что был должен. Эти две крайности мучили его.

Лейла вошла в офис неспешно, держа в руках папку с бумагами. Как в любом женском коллективе у неё были подружки и «так себе подружки». Поэтому кто-то здоровался с ней, кто-то просто кивал головой, а кому-то она отвечала приветственной улыбкой.

Добравшись до своего места, она аккуратно разложила документы и с ручкой в руках сосредоточилась на работе. Свет из окна падал косо, подчеркивал линии её лица: широкие губы, небольшой нос и ресницы, накрашенные тушью. У неё точёная фигура в светлом платье из натуральной ткани. На левом запястье тонкий серебряный браслет — подарок Никиты, который она никогда не снимала. Внешне — собранная, уверенная, та, к кому всегда можно было обратиться за помощью.

В кабинете стояла тишина, которую нарушал только лёгкий шелест бумаг и редкие звонки телефона.

— Всё в порядке, я разберусь, — сказала она коллеге, которая вошла с просьбой. Голос её был сдержан, даже ласков, но руки чуть заметно дрожали, когда она брала папку. Бухгалтер вернулась к двери и сказала: «Какая ты всё-таки надёжная».

Лейлу уважало руководство. Им нравилась её дотошность, которая позволяла качественно выполнять работу. На

совещании она не только слушала внимательно, но и делала заметки, иногда задавала вопросы.

В разговорах с коллегами её голос звучал спокойно и мягко. Лейла старалась не делиться с подругами на работе о личном, но охотно общалась на темы моды и искусства. Она всегда держала спину прямо, словно, не позволяла себе показывать, как раздавлена морально от неопределённости в личной жизни. Вот бы в ней было всё так же стабильно, как на работе. Даже в моменты, когда сердце сжималось от одиночества, она улыбалась и отвечала так, будто всё в порядке. Так забавно: она не одна, но при этом одинока.

Ни Никита, ни Лейла не позволяли миру увидеть правду.

Решение рабочих проблем всегда высасывало силы плюс дорога, где все такие же измотанные и раздражённые. Удивительным образом, но пробка в городе — это куча возможностей провести время с пользой. Для Никиты наступил момент, подходящий для раздумий, где ему никто не мешал. Он включил спокойную музыку, следил за машиной впереди и размышлял.

Молодой человек припарковался у подъезда. Он решил взять себя в руки и следить за словами. Принял решение, что ни за что на свете сегодня вечером не выйдет из дома. Так он, возможно, избежит потерю любимого человека. Выдох с облегчением вырвался из его груди, и он вышел из машины.

Дом встретил его тишиной. Лейла только зашла и переодевалась в спальне.

Он снял обувь, прошёл на кухню и тяжело опустился на стул. Весь день улыбок и шуточек для коллег выжал силы, и теперь каждое слово казалось лишним.

На кухне из окна заглядывал вечер. По макушкам деревьев видно, что солнце уже слало последний привет и забирало золото дня. Послышались шаги.

— Ты какой-то совсем мрачный, — сказала Лейла негромко, стараясь придать голосу легкость.

— Я устал, — коротко ответил он. И в этом «устал» звучало всё: и бессонная ночь, и тяжесть рабочего дня, и усталость от размышлений, как ему правильно поступить.

По правде говоря, она тоже была вымотана. Весь день быть приветливой, когда на душе скребут кошки, то ещё удовольствие.

Тяготы дня повисли в воздухе.

Лейла неспешно нарезала хлеб, поставила чайник. Никита молча сидел. По едва заметному напряжению скул угадывалось, что челюсти крепко сжаты. Он глядел в стол, будто не видел ничего вокруг.

— Может выйдем прогуляться? Сейчас воздух вечером приятный, пока ещё не чувствуется прохлады осенних дождей, — предложила девушка.

Он поднял глаза и с трудом улыбнулся. Улыбка вышла натянутой, но горестная усмешка с шумным выдохом выдавала

его обеспокоенность и... и нежность, и любовь.

— Хочу просто лечь. — ответил Никита, он твёрдо решил в машине, что никаких скандалов, значит, лучше забыться сном, тем более не спал всю прошлую ночь. И на улицу, ни за что!

Она замерла на секунду:

— А как же ужин? Последнее время ты всегда «устал», — сказала она укоризненно и продолжила более нейтрально. — Давай решим вместе, что с нами не так и в каком направлении нам двигаться. Так больше не может продолжаться!

Он отвернулся. Внутри у него поднялась волна раздражения: снова разговоры, снова упрёки...

Никита подумал: «Я не хочу так, не могу». Но тут же другая мысль резанула: «Если я снова уйду, даже не сказав ни слова, то повторю ошибку. Точно! Пойду лягу».

— Я не хочу ругаться, — сказал он мягче, почти прося. — Просто сил нет. Утром поговорим.

Она поставила тарелки, села напротив и положила ладони на колени. В её глазах было не обвинение, а надежда, что он всё-таки поднимется и скажет: «Пошли, я с тобой».

— А если завтра опять не будет сил? — спросила она. — Когда-то нам придётся разобраться с нашими отношениями.

Ему нечего было ответить. Слова застряли, будто горло резко стало узким. Он встал, чмокнул её в щёку:

— Прости. Я правда сегодня не могу. Завтра будет новый день, надеюсь работа не будет такой загруженной.

Она промолчала. Appetit пропал.

«Попью чай и пойду прогуляюсь. Может, Нину позвать?» — подумала Лейла, но тут же поняла, что это плохая затея, лучше побыть одной. Она тоже устала: целый день держала лицо, подавляла тяжёлые эмоции, и теперь это напряжение требовало выхода: «Я не могу сразу лечь спать. Мне нужно подышать воздухом. Хоть немного. Иначе всю ночь буду ворочаться».

А в слух, почти шёпотом, сказала в пустоту:

— А я выйду.

Она надела джинсы с футболкой, накинула лёгкую кофту. Тихо закрыла дверь, чтобы не разбудить Никиту, и вышла.

Улица встретила её летней прохладой. Лёгкий ветер трогал листья, которые начинали желтеть, а какие-то уже падать на землю. И в этом ей чудилось, что всё сейчас безнадежно меняется, но только не у неё. Солнце уже садилось. Небо к этому часу переливалось нежными красками заката: розовый смешивался с сиреневым, а в глубине уже проступал холодный синий. Город потихоньку погружался в ночь, и только фонари пытались помочь ему не упасть в темноту. Суета дня покинула всех, и наступил размеренный вечер. Кто-то выгуливал собак, кто-то медленно шёл парочкой. А кто-то ещё только плёлся домой с большими пакетами из магазина.

Лейла шла по улице неторопливо, стараясь думать о простом: о воздухе, о движении машин по правилам и о свето-

форе, который подмигивал ей то одним глазом, то другим.

«Как достучаться до него, что в лодке нас двое?» — подумала она, как вдруг отчаянный крик.

Возня у соседнего дома. Два силуэта. Один вырывал сумку из рук у другого.

Она инстинктивно остановилась. Шагнула ближе к стене дома. Но слишком поздно. Что-то пронзило её. Выстрел. Один. Короткий. Рвущий тишину вечернего города.

Она пошатнулась... сделала два неровных шага... мир рассыпался на осколки: свет фонаря, тёмное небо, её последние глотки воздуха...

Тусклый отсвет солнца погружал спальню во тьму ночи. Никита лежал на кровати с закрытыми глазами и ждал, когда придёт с прогулки Лейла. И тогда он начнёт разговор с ней. «Кто мы такие?» — сказал он шёпотом кому-то невидимому. Молодой человек уже успокоился, что всё в порядке и он избежал страшного, как неожиданно ощутил странное щекотание вдоль спины. Повисла тревожная тишина.

В ту же секунду Никита почувствовал. Нет. Он узнал выстрел. Он услышал его так ясно, будто сам стоял рядом. Сердце сжалось острой болью: это она. Не было ни доказательств, ни логики. Просто страшная, холодная уверенность, что её уже нет.

В груди что-то оборвалось. Он вскочил в твёрдой уверенности: это не случайность. Это было то, чего он боялся. В

голове пронеслось: «У меня не получилось».

В воздухе ещё звенел выстрел, отдавая в грудь тяжёлым эхом, как комната будто растворялась: стены таяли, ночь поглощала её с беспощадной скоростью, а в висках билось сердце.

Ослепительный свет разорвал темноту. Он снова в белой комнате. Гладкие стены, уже знакомый экран слева и зеркало в углу. На мониторе сердце колотилось по-прежнему: «Тук-тук... Тук-тук». А внутри у Никиты пустота.

Он понял: всё повторяется.

Глава 3. Уходи прочь, не уберегу ⁵

Никита почувствовал раздражение. Снова ничего не вышло. Мысленно он уже ненавидел эту комнату: что за непонятные игры с ним, с его любимой? Что за радость бросать его туда, где раз за разом он теряет? Опять он здесь, как будто судьба бросила его обратно в это пустое пространство, устав от неудачных попыток. Сердце бешено колотилось «Тук-тук... Тук-тук».

Молодой человек встал с кресла. Начал растопыренными пальцами проводить по волосам, пытаясь их причесать, но возвращал руки обратно, и волосы снова падали хаотичными прядями. Его ходьба из угла в угол выглядела бессмысленной, но на самом деле внутри него пылала душа.

Он поменял главное: не вышел в ту ночь. Но... она всё

⁵ Юрий Николаенко (НЮ) «Некуда бежать»

равно погибла, только иначе.

Никита сел на край кресла и закрыл лицо руками. Локти вдавились в колени так, будто на них положили не одну тонну. Где ошибка?

Комната молчала. Её белые стены светились ровно и тускло, будто пытались подслушать его мысли. Казалось, что у кого-то за стенами лопнуло терпение от любопытства, и там решили не то уловить ход мыслей этого измученного человека, не то заложить ему в мозг идею. Так, неожиданно, негромкий, спокойный голос появился вновь. Он по-прежнему звучал чётко и отрывисто:

— Есть мнение... — холодная пауза. — «Чем меньше женщину мы любим, тем легче нравимся мы ей».⁶

Никита вздрогнул. Слова отозвались в голове гулким эхом. Он вспомнил, как когда-то читал эти строки в школе. Но он, с уверенностью, что жизнь давно переросла пушкинские истины, снисходительно отнёсся к невидимому говорящему и криво усмехнулся.

В голове молодого человека поселилась мысль: «Возможно, это ключ от двери моего счастья? И поэтому судьба заставляет меня терять снова и снова?». Он усмехнулся ещё раз и устало сказал таинственному «доброжелателю»:

— Значит, быть холодным с ней? Хорошо. Я попробую.

Голос, будто одобрительно, вздохнул, ведь он добился своего.

⁶ А.С.Пушкин «Евгений Онегин»

Никита поднялся. На мгновение ему показалось, что белый свет стал ярче, стены отступили, давая место новому решению. Для молодого человека появилась ясность: его любовь без меры приносит гибель. Значит, он попробует иначе: не давать больше, чем нужно. Он не знал, приведёт ли это к спасению или к новой ошибке, но впервые за долгое время ощутил решительность в своих намерениях. И понял: это чья-то игра жизнями людей. Теперь на кону жизнь Лейлы и его собственная.

Внезапно на стене ожил экран. Никита сразу вспомнил этот день.

Они только что познакомились, беззаботные и счастливые. Получилось так, что проводят почти весь выходной под дождём. Выехать за город на велосипедах ранним утром предложила Лейла. Просто так. Провести свободное время на природе.

Просёлочная дорога уходит вдаль между полями, где ещё лежит дымка тумана с ночи. От утреннего солнца воздух тёплый, он пахнет влажной землёй и асфальтом. Она едет впереди и подставляет ладошку ветру на вытянутой руке. Так, по-детски, ловит ветер.

— Стой, — кричит она. — Там, видишь?

Никита притормаживает у края дороги. Прищуривается от солнца. За канавой тянется бесконечное море полевых цветов: ромашки и васильки танцуют друг с другом на ветру;

люпины, как стражи, стоят нестигаемыми кучками; то тут, то там выглядывает цикорий. Такая простота и красота.

Лейла задирает подол платья и идёт в траву. Смеётся, наклоняется к каждому цветку, будто со всеми знакома. Она собирает букет, который пахнет утренней свежестью и люпинами.

— Возьми, — говорит она с восторгом. — Пусть дома тоже будет цветочное лето.

Они возвращаются к велосипедам, как небо уже начинает меняться: на горизонте поднимаются серые тучи, за ними начинают собираться тяжёлые свинцовые. Солнечный свет ещё кое-где пытается растопить края непогоды, но воздух напитывается влагой и ожиданием, ветер стихает. Птицы летают низко, как обещание ливня.

— Скорее! Поехали! Успеем! — кричит Никита.

Но не успевают. Тёплый летний дождь обрушивается на поля, макушки деревьев, дорогу и головы влюблённых. Молодой человек впервые позволяет себе быть легким на подъём, непосредственным, не прятаться за словами. Она же не боится быть смешной, тянет его за рукав и специально ногой ударяет по луже, чтобы брызги взлетали высоко во все стороны.

— Ну, улыбнись же, разве это не чудо мокнуть вместе?!

И у него сначала появляется радость на лице, затем появляются смешинки в уголках глаз. И, наконец, он смеётся искренне и тоже по-детски.

Крупные и тёплые капли падают на лица, пока они, смеются и гонят в город.

Небо низко нависает над улицами, казалось, касается макушек деревьев. Дождевые капли сверкают разными красками в свете фонарей, светофоров и потоков воды вдоль тротуара. Они доезжают до подъезда промокшие. Лейла с растрёпанными волосами, прилипшими к плечам и спине. Она смеётся, переводит дыхание. В этот момент Никите кажется, будто она часть этого ливня, этой шумной радости.

Лейла вымыла голову и включает фен. Потоки лёгкого ветра распространяют запах дождя, аромат шампуня и полевых цветов по всей ванной. Она увидела Никиту у двери и хитро подмигивает.

— Наверно, это и есть счастье, — говорит девушка. — Просто, как дети, быть под дождём и никуда не спешить.

Он улыбается:

— Если бы мы знали это точно, то мы бы не боялись промокнуть.

В ту же минуту Никите показалось, что дыхание одного короткого мгновения, как тихий свет из прошлого, где все ещё живы и безгранично счастливы. Рядом с ней всё просто: даже дождь, даже грязная дорога, даже усталость.

Молодой человек почувствовал, как любит Лейлу не за что-то, а потому что рядом с ней мир становился простыми и спокойным.

Он ощутил ритмичный стук сердца в висках. Закрыв глаза и попытался успокоиться:

«Что это? Почему я не могу забыть? — немой вопрос в голове.

— Потому что ты не хочешь. — ответил он сам себе.

— Что же тогда мне делать?

— Бороться!».

Никита уверенно сел в кресло и, не дожидаясь голоса, нажал на кнопку «Перезапустить».

Утро началось как обычно. Сквозь лёгкую тюль на окне кухни просачивался рассвет. Воздух ещё пах ночным дождём. На подоконнике лежала крошечная россыпь капель, в которых отражалась улыбка нового дня всеми цветами радуги. Будто сама природа говорила: после ненастья никто не отменял солнце.

Лейла сидела у окна, мешала ложечкой кофе сначала у Никиты в кружке, а потом у себя.

— Пошли сегодня в кино? — спросила она с воодушевлением, глядя в чашку, где по кругу вращалась тонкая пенка.

Он усмехнулся уголком губ, больше осуждающе.

— В кино? После работы? Тебе бы то погулять, то развлечься на концерт. Я, между прочим, целую неделю вкалываю, — он раздражён. — Ты не думаешь, что я просто хочу отдохнуть, лёжа на диване перед телевизором?

И более мягко добавил:

— Давай лучше закажем пиццу и посмотрим что-нибудь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.